
ПРОБЛЕМЫ И ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н.М. Белгарокова

Евразийский открытый институт
ул. Нежинская, 9, Москва, Россия, 119501

В статье на основе социологических исследований рассматриваются условия и результаты процессов формирования политической культуры и осуществления политической социализации современной российской молодежи. Анализ противоречивых влияний агентов политической социализации (семьи, образовательной системы, СМИ), а также сложного материально-экономического положения российской молодежи и общей политической ситуации в стране позволяет сделать вывод о кризисе социализации молодежи в современной России.

Ключевые слова: политическая культура, политическая социализация, молодежь.

Формирование в России институтов гражданского общества и правового государства требует активного и деятельного участия молодежи страны. Радикальная трансформация российского общества, утверждение демократических ценностей и принципов его организации и функционирования невозможны без участия молодого поколения. Социальная позиция молодежи оказывает существенное влияние не только на характер современных социально-экономических и политических процессов, но и на перспективы развития страны.

Однако современная российская молодежь демонстрирует пассивность и индифферентность в ходе выборов в центральные и местные органы власти, в отношении деятельности политических партий и общественных организаций, процессов централизации управления и укрепления самостоятельности регионов, проявляет неосведомленность в вопросах, связанных с основными направлениями реформирования политической системы общества. Результаты исследований показывают, что даже в выборах федерального уровня участвует менее 50% молодых россиян. В ходе последних исследований только треть молодых респондентов (в возрасте до 35 лет) заявила, что интересуется политикой, тогда как среди граждан среднего возраста таких людей 40%, а среди тех, кто старше 55 лет, — 45%. В деятельности общественных организаций страны более или менее регулярное участие принимает лишь 2,7% российской молодежи [14. С. 3].

При проведении исследований политической социализации современной российской молодежи необходимо учитывать, что она не составляет единого «возрастного массива», достаточно четко делится на три основные группы.

Младшая группа — это социальная общность 15—17-летних юношей и девушек. Это «чисто постсоветская» генерация юношества. Она формировалась в условиях реалий перехода к рыночной экономике и становления демократического государства, психологически не обременена «грузом воспоминаний» о советском прошлом.

Средняя возрастная группа — молодые люди в возрасте 18—24 лет. Старшая «фракция» этой группы еще хорошо помнит свое советское детство, но многие ее

представители неоднозначно относятся к нему. Вся эта группа находится в поре становления, обучения, определения жизненных ориентиров и сценариев самоутверждения в обществе.

Старшая возрастная группа — 24—30-летние — так называемые «молодые взрослые». Эта часть нынешней молодежи начала формироваться еще в советское время. Ее детство (у старшей «фракции» данного возраста — и начало юности) пришлось на время перестройки, кризиса и распада СССР. «Молодые взрослые» уже принимают на себя удар, связанный с последствиями реформирования общества. Отразить этот удар оказывается непросто и не всем под силу.

В пределах трех возрастных групп сегодняшней российской молодежи существует известный антагонизм. Молодые люди с разницей в возрасте в 3—4 года зачастую плохо понимают друг друга и в прямом смысле говорят «на разных языках», используя разный лексический набор и различные типы сленга. Существующие внутри молодежной среды социально-психологические различия и противоречия оказывают заметное влияние на формирование стереотипов политического поведения, дополнительно усложняя и расширяя их спектр.

Политическое поведение молодежи, степень его активности, осмысленности, цивилизованности и солидарности выражают уровень ее политической культуры. Под политической культурой понимается исторически сложившаяся система политических норм и ценностей, убеждений и символов, установок и ориентаций, которые воплощаются в политическом поведении членов общества.

Структура политической культуры включает когнитивный, нормативно-оценочный, эмоционально-психологический, установочно-нормативный элементы. Они тесно взаимосвязаны между собой, причем более стабильные элементы политической культуры составляют ее «ядро», а менее важные — «периферию». Вся система политической культуры связывается воедино пронизывающими ее информационными потоками.

Политическая культура современной России носит не либерально-демократический, а скорее авторитарно-коллективистский характер. Ее основными чертами являются:

- доминирование государства в общественном сознании и общественной жизни россиян;
- персонифицированное восприятие власти;
- крайняя гетерогенность, подразумевающая присутствие в составе политической культуры общества множества взаимно противостоящих политических субкультур с совершенно различными, а подчас и диаметрально противоположными ценностными ориентациями их носителей.

Политическая культура российской молодежи также характеризуется значительной неоднородностью, фрагментированностью. Отдельные группы сегодняшней российской молодежи отличаются друг от друга степенью интереса к политике, уровнем включенности в политическую жизнь, ориентациями на различные идейно-политические течения в стране. Заметим, однако, что в настоящее время идейно-ориентационные различия между отдельными группами российской мо-

лодежи не носят крайне антагонистический характер и не ведут ни к сверхполитизации молодежи, ни к открытому политическому противостоянию внутри молодежных групп и молодежи в целом — со старшими поколениями.

Отношение российской молодежи к политике и власти характеризуется ярко выраженным нейтрализмом. Молодежь не связывает с политической сферой никаких ожиданий на позитивные перемены в собственной жизни, не возлагает особых упований на власть в вопросах содействия ее жизненным стремлениям. Политическую реальность молодежь воспринимает как некую данность, не вызывающую ни восторга, ни осуждения. Реформы последних десятилетий особенно болезненно сказались на социальных позициях поколений, вступающих во взрослую жизнь. Выход из сложившейся неблагоприятной ситуации молодежь ищет сама и, как правило, в неполитической сфере. Этим объясняется политическая апатия юных граждан, сознательная отстраненность значительной части молодежи от политической жизни страны.

Политическая культура личности является результатом ее политической социализации, которая интерпретируется современной наукой как процесс усвоения и активного воспроизводства личностью определенной системы норм, ценностей и установок, политической деятельности, политических отношений и политического опыта.

Процесс политической социализации личности детерминирован процессом ее общей социализации. Выявление агентов социализации в современной России убедительно показало, что максимальную роль в ней играют родители (причем матери — 58%, отцы — лишь 44%). Далее — с существенным промежутком — идут другие агенты: друзья (24%), книги (19%), фильмы (15%), родственники (13%) и лишь на последнем месте — учителя (12%) [30. С. 40—41].

Однако в сегодняшней России политический опыт родителей неоднозначен. По справедливому замечанию С.А. Магарилы, «в ходе естественной смены поколений исторически воспроизводится ранее сформировавшийся социальный тип «подданного» [17. С. 133]. Приводимые им социометрические данные свидетельствуют о том, что последовательные традиционалисты и индивиды, тяготеющие к ним по большинству значимых ценностных ориентаций, составляют в нынешнем российском обществе 73—75% [6. С. 68—69]. Симптоматично, что лишь в 1% сегодняшних российских семей считают нужным прививать демократические ценности и менее чем в 7% семей — формировать у детей гражданские убеждения [3].

Эффективность осуществления политической социализации в огромной степени зависит от действия механизмов трансляции политических ценностей и идеалов. Одним из важнейших механизмов является школа, преподающая (наряду с родителями) первые уроки патриотизма, первые навыки самостоятельного исторического мышления — основы гражданского сознания.

Представляется достаточно очевидным, что в условиях переходного периода проблема формирования гражданской политической культуры в образовательном процессе состоит прежде всего в демифологизации обыденного, унаследованного от авторитарной социализации представления о мире политики через

адекватное концептуальное и фактологическое знание, способное сделать политический процесс более прозрачным и доступным для понимания. Степень решения этой проблемы определяется тем, насколько системе образования удастся раскрыть теоретико-концептуальные построения в конкретном контексте национальной политической традиции российского общества, его культурно-исторического опыта и сегодняшней реальности.

В сегодняшней России остро и актуально стоит вопрос о приоритетности воспитательных аспектов образования, обеспечивающих формирование полноценной, гармонично развитой личности. Однако практика показывает, что в этом вопросе далеко не все обстоит благополучно.

Социологический опрос старшеклассников Липецкой области (2002—2003 гг.), выявлявший рейтинг отдельных направлений школьного воспитания, показал, что на последних местах стоят как раз такие его направления, как гражданское (9,6%), интернациональное (4,6%) и патриотическое (4,5%). 35,2% старшеклассников хотят заниматься общественной работой, 34,4% не желают ею заниматься, и 30,4% затруднились ответить на этот вопрос. В то же время две трети опрошенных хотели бы участвовать в школьном самоуправлении, 80% — в деятельности молодежных организаций. 56% липецких старшеклассников убеждены в том, что сегодня нужна общественно-государственная система воспитания, 11% возражают против этого [33. С. 53—55].

Система образования должна стремиться к идеологической и политической разборчивости и изобретательности, ни в коей мере не теряя при этом твердой ориентации на морально-этические и гуманистические приоритеты. В тех случаях, когда рассогласование нравственных идеалов с конъюнктурными политическими соображениями приобретает вполне очевидные формы, образование должно решительно становиться на сторону гуманистических ценностей, воплощающих права и свободы человека и гражданина.

Необходимо повышать роль и значение образовательной деятельности в общем процессе политической социализации личности. Однако в настоящее время следует учитывать также радикальное повышение значения в этой сфере такого агента социализации, как телекоммуникации.

Социологическое исследование среди молодежи Тюмени выявило, что преобладающими источниками информации для нее являются СМИ (особенно электронные) [34. С. 57]. Однако сама специфика аудиовизуальных коммуникаций, в которых преобладают развлекательные материалы, снижает уровень информативности и обстоятельности обсуждения политических проблем [18. С. 16].

По мнению В.Э. Бойкова, в сегодняшней России наблюдается «глубочайшее отчуждение населения, различных социальных групп и институтов от государства», проявляющееся в непонимании и недоверии к политике государства, в отстраненности от властных структур. С 1990-х гг. до наших дней доля таких людей в обществе стабильно составляет 78—80%, не имея тенденции к снижению. Две трети опрошенных респондентов согласились с тем, что участие в выборах является обязанностью гражданина. Но вера в то, что такое участие способно повлиять

на власть, в 1995 г. разделяли 62%, в 1999 и 2003 гг. — только 20—21%, в настоящее время это число значительно меньше. Две трети респондентов не видят смысла участвовать в местном самоуправлении. Реально же в управлении участвует не более 12—13% респондентов, в деятельности какой-либо политической партии — только 3% [32. С. 49].

Серьезную озабоченность у политиков и исследователей вызывает проблема падения к институтам власти доверия со стороны общества. Исследования наших дней выявляют неблагоприятные тенденции в этой сфере. До 60% людей в нашей стране убеждены, что принцип всеобщего равенства не распространяется на чиновников, милицию, прокуратуру. Более того, люди уверены, что к одним применяются одни нормы, к другим — иные. В процессе исследования РАГС проблем правового государства и правового сознания по программе ТАСИС, подписанной Госдумой, респондентам был задан вопрос: «Кто прежде всего нарушает трудовые, социальные, гражданские права населения?» Отвечающие поставили на первое место сложившуюся структуру власти, на второе — суды (т.е. как раз те органы, которые функционально призваны отстаивать и защищать эти права). Почти 50% опрошенных считают, что судьи коррумпированы, 46% — что судьи действуют под диктовку властей, под влиянием богатых и т.д. Только 16% опрошенных выразили уверенность в том, что судьи в своей деятельности руководствуются законом [32. С. 53].

Даже у самих представителей исполнительной власти, занимающих высокие посты в административной и хозяйственной сферах, наблюдается «самоотчуждение» от публичной политической деятельности. Так, вице-губернатор Псковской области В. Гитин открыто заявил: «Публичная политика — это удел губернатора». Заместитель председателя Удмуртской Республики В. Савельев подчеркнул: «В республике политикой, тем более публичной, должен заниматься лишь один человек — президент» [2. С. 25].

Тревожным симптомом кризиса доверия общества к органам власти на всех уровнях является тот факт, что сегодняшние россияне, попадая в затруднительное положение, ищут помощи и поддержки не у власти и не у администрации своего предприятия, а у духовно близких им людей. При проведении соответствующих опросов только 15% респондентов выразили надежду на помощь официальных структур [32. С. 49].

Отчуждение от власти порождает и иную, более опасную угрозу. Вместо развития форм цивилизованного участия в управлении и цивилизованных способов влияния на политику в стране усиливаются тенденции протестного, разрушительного характера. Так, если в 2002 г. только 20% респондентов считали наиболее действенными формами гражданского волеизъявления акции массового протеста, митинги, демонстрации, то в 2007 г. — уже почти половина опрошенных [32. С. 50].

Особенно нежелательны и небезопасны подобные проявления в молодежной среде. Ориентация молодежи на деструктивные формы политического участия чревата реальной угрозой дестабилизации политической системы общества [12. С. 9].

В радикально преобразующемся российском обществе в условиях резкой смены политических норм и ценностей, политических отношений и приоритетов, всех форм политической деятельности налицо кризис системы политической социализации. Его рельефными чертами являются политическая аномия молодежи и как прямое следствие — заметное отчуждение личности от политики.

Кризис политической социализации молодежи проявляется в утрате новыми поколениями значительной части традиционных идеалов. Это проявляется, в частности, в социальной самоидентификации значительной части современной молодежи.

В социальном сознании подавляющего большинства российской молодежи снизился до предела статусный престиж и имидж рабочей профессии. В ходе социологического опроса в Санкт-Петербурге обнаружилось, что рейтинг рабочей профессии не превышает 1% [30. С. 37]. В то же время сегодняшняя молодежь, тяготеющая к получению высшего профессионального образования, не склонна причислять себя и к интеллигенции. Например, у юных петербуржцев высокий рейтинг сохраняют профессии врача (65%), ученого (48%), представителя творческой интеллигенции (28%), а в ряде вузов — также экономиста (37%) и юриста (36%) [30. С. 37]. Однако другими исследованиями установлено, что в современном российском обществе интеллигентами считают себя преимущественно люди старше 50 лет и некоторые женщины 30—50 лет, но никак не моложе 30-летнего возраста [32. С. 51].

Сегодняшняя молодежь затрудняется, сбивается и путается в процессе выбора личных идеалов. 82% молодых петербуржцев в ходе опроса не смогли назвать конкретных героев. 36% респондентов верят, что таковые существуют, но не могут с определенностью ответить на вопрос, кто эти герои. 37% опрошенных считают, что героев вообще нет. Только 66% юношей и девушек Санкт-Петербурга верят в существование наказания за подлость и зло [30. С. 38, 39].

Кризисные явления в осуществлении процесса политической социализации воплощаются и в невосприимчивости российской молодежи к новым социальным ценностям. Социологический опрос молодежи Тюменской области показал, что молодыми людьми слабо воспринимаются такие сегодняшние ценности, как свобода предпринимательства и рыночные отношения [5. С. 46].

Краеугольным камнем осуществления всесторонней модернизации страны является формирование гражданского общества. Между тем именно общегражданские проблемы как раз меньше всего беспокоят нашу молодежь. В ходе того же опроса в Тюменской области, отвечая на вопрос «Что означает быть гражданином России?» большинство опрошенных предпочло общие формулировки («Любить и уважать свое Отечество»). Только 22% связывают свои представления о патриотизме с деятельным, практическим аспектом, с личным участием в работе по обеспечению процветания Родины. 35,7% респондентов вовсе не задумывались над этим вопросом. 18,2% даже вообще не считают себя патриотами России, а 13,7% готовы покинуть ее навсегда [5. С. 48].

Однако российской молодежи не чужда и не безразлична тема величия России, державности. Исследования последних лет показали: 66% опрошенных мос-

ковских студентов считают, что Россия заслуживает более достойного положения в сегодняшнем мире [20. С. 23].; 85% соглашаются с тем, что Россия — великая держава [11. С. 13]; 78% поддерживают идею возрождения России как великой державы [15. С. 52]. В начале 2000-х гг. за идею вернуть России статус великой державы высказывалось 55%, в 2004 г. — 58% опрошенных [15. С. 24].

На формирование спектра политических предпочтений молодежи серьезно влияет общая трансформация ее ценностных приоритетов.

Серия исследований, проведенных в Санкт-Петербурге в 2002—2005 г., выявила тот факт, что основными жизненными ценностями молодежи являются (в порядке убывания): 1) семья; 2) друзья; 3) здоровье; 4) интересная работа; 5) деньги; 6) религиозная вера [30. С. 37]. При этом аналогичные результаты дали соответствующие исследования в Екатеринбурге [4]. Перемещение ценности интересной работы высокого общественного значения с первого места (в 1960-х — первой половине 1970-х гг.) на четвертое (в настоящее время) отнюдь не случайно. Оно выражает резкое снижение в сознании молодежи моральных ценностей, сопряженных с честным трудом на благо Родины. В годы реформ в России как-то сами собой исчезли идеология и пропаганда общественной значимости труда.

Социологические опросы молодежи Тулы (2004, 2005 гг.) также продемонстрировали значительные изменения приоритета ценностных ориентаций. За год «материальное положение» как ценность переместилось с четвертого на первое, «здоровье» — с первого на второе, «любовь» — со второго на четвертое, «образование» — с пятого на восьмое, зато «семья» поднялась с шестого места на третье [28. С. 111]. Таким образом, типобразующие нравственные ценности личности (кроме семьи) понизились в значении. Заметное повышение престижа семьи может рассматриваться нами как стремление индивида обрести прочную морально-психологическую поддержку в сложной социальной обстановке.

Несколько иные результаты дают социологические опросы выпускников средних школ Архангельска, проводившиеся в течение двух последних десятилетий (1985—2005 гг.). В 1985 г. 72% выпускников школ Архангельска видели смысл своей жизни в хорошей работе и счастливой семье, в 2005 г. — 80,4%. Стремление приносить пользу людям, добиваться уважения окружающих в 1996 г. выражали 34,2%, а в 2005 г. — 54,9% респондентов той же возрастной группы. Увеличилось и стремление достичь высокого общественного положения: в 1996 г. оно составляло 19,7%, в 2005 г. — 28,5% [13. С. 123].

Опрос молодежи Тулы, проведенный в 2005 г., показал, что жизненную цель имеют 87,9% респондентов, причем 91,7% уверены в ее реализации. Однако 10,2% респондентов готовы «пойти на все» ради достижения этой цели. На вопрос: «Какие факторы имеют решающее значение для достижения успеха в жизни?» 68% ответили: «Полезные связи, знакомства»; 58,8% — «Хорошее материальное положение»; 52,8% — «Качественное образование»; 25,2% — «Востребованная специальность»; 20,4% — «Удачное стечение обстоятельств» [28. С. 112]. Иными словами, тульская молодежь склонна объяснять жизненный успех по преимуществу внешними причинами.

В 1985 г., отвечая на вопрос анкеты «Какие качества Вы считаете главными для достижения успехов в работе и благополучия в жизни?», выпускники архангельских школ расставили ценности следующим образом: 1) цель в жизни; 2) трудолюбие и добросовестность; 3) отзывчивость и чуткость к людям; 4) честность и принципиальность; 5) инициативность и целеустремленность; 6) образование; 7) здоровье; 8) способности и талант; 9) активное участие в общественных делах; 10) внешность, приятные манеры; 11) помощь близких людей; 12—13) связи «с нужными людьми», умение приспосабливаться; 14) удача, везение; 15) забота прежде всего о самом себе.

В 2005 г. снизился индекс оценок позитивных базовых ценностей — отзывчивости и чуткости, честности и принципиальности, здоровья. Возросли индексы оценок таких показателей, как внешность и приятные манеры, связи «с нужными людьми», умение приспосабливаться, удача и везение, забота о самом себе. Скачкообразным колебаниям подвергались индексы оценок показателя «образование» [13. С. 123]. Эти изменения в полной мере соответствуют новым тенденциям в образовательных планах и ценностных ориентациях российских школьников начала XXI в. [8; 31].

В системе факторов, снижающих уровень политической активности молодежи, выделяется комплекс социально-экономических причин, связанных со сложностями адаптации молодежи к рынку. Данные мониторинга социально-экономического потенциала семей России свидетельствует о том, что в середине 1990-х гг. в общей численности российской молодежи доля тех, кто сумел открыть собственное дело, составляла от 2,5% до 3,5%. Однако при этом около 70—80% негосударственных коммерческих предприятий были созданы «молодыми взрослыми» (лицами 25—30-летнего возраста). Из этого следует, что молодежь активно проникает в частный сектор экономики, но ее позиции в нем зачастую оказываются не достаточно основательно базированными. В 1995 г. к числу богатых в России относилось менее 2% молодых людей. Зато в составе бедных доля молодых людей (от 16 до 30 лет) равнялась 19,3% [21]. По данным Т.И. Заславской, молодежь до 30 лет в середине 1990-х гг. составляла: в составе верхнего среднего слоя — 39%, в составе среднего и базового слоя — 24%, в составе нижнего слоя — 21% [9. С. 7—15].

Доля молодежи в сфере материального производства значительно и неуклонно сокращается, а в составе безработных остается достаточно высокой. В 1994 г. в общей массе безработных трудоспособная молодежь составляла 35,5%, в 1995 г. — 41%, в 1997 г. — 35%. В первые годы нынешнего столетия каждый третий безработный, зарегистрированный на бирже труда, был моложе 29 лет. В ряде регионов России этот показатель еще выше — от 40 до 57% [35. С. 98; 10. С. 103]. Напряженные усилия молодых людей по сохранению и поиску дополнительных резервов трудоустройства мало способствуют ее включению в активную политическую деятельность.

В самой сфере труда произошла вынужденная психологическая и практическая переориентация молодежи с интересной, общественно значимой, полезной и морально престижной в прошлом деятельности на высокооплачиваемую работу.

В условиях тотальной коммерциализации социальной сферы две трети молодежи оказались вынужденными предпочесть работе по призванию работу за лучшее материальное вознаграждение. «Денежный фактор» оказался решающим императивом профессионального выбора для 60% 17-летних, 65,3% 24-летних и 64,4% 31-летних людей [27. С. 93]. Особенно действенным он по понятным причинам стал в возрастной «группе молодоженов и молодых родителей» (21—29 лет).

Стремление к сохранению своих угрожаемых позиций на рынке труда всячески подвигает молодежь к повышению своего образовательного уровня. В сегодняшних условиях это сопряжено с получением высшего профессионального образования. Неуклонный рост числа дипломированных специалистов наблюдается во всех регионах страны. Так, например, в Архангельске за 20 лет (1985—2005 гг.) удельный вес выпускников школ, намеревавшихся продолжить образование, возрос с 82 до 97,2%. А доля лиц, сумевших реализовать эти планы, — с 81 до 98%. За два десятилетия число студентов в регионе возросло в 2,2 раза [13. С. 121]. Сам по себе образовательно-интеллектуальный рост молодежи неминуемо должен бы сопровождаться одновременным и параллельным повышением ее политической культуры, информированности и вытекающей из них активизацией политического участия.

Молодежь традиционно чутка и оперативна в восприятии социальных изменений, касающихся трансформации запросов и переориентации профессиональных запросов национального рынка труда. Однако даже неизменная социальная мобильность российской молодежи пасует перед неумолимой необходимостью непрестанной погони за исключительной текучестью рынков труда. Так, уже в конце 1990-х гг. предложение юристов и менеджеров разного уровня превышало спрос вдвое, предложение экономистов — на 30% [10. С. 104].

Коммерциализация высшего образования приводит к тому, что вузы ориентируются на запросы заказчика — абитуриента. В результате многие вузы ведут подготовку и выпускают специалистов по профилям, в которых уже в течение ряда лет наблюдается переизбыток кадров. В настоящее время до половины вузовских профессий остаются не востребованными на национальном рынке труда [10. С. 104].

Следует отметить достаточно высокий уровень социальной и профессиональной мобильности российской молодежи. В 2002 г. более трети опрошенных молодых людей изъявили готовность к радикальной смене вида трудовой деятельности [26. С. 103]. Опрос тульской молодежи в 2005 г. показал, что 55,9% молодых людей не боятся потерять работу, 27,5% в случае потери работы будут искать новую работу по той же специальности, 15,7% — по новой специальности, 21,6% будут «выжидать интересных предложений», и лишь 25,5% заявили, что согласятся на любую работу [28. С. 115].

С социально-экономическими трудностями сопряжена проблема социального оптимизма российской молодежи, ее уверенности в своих силах, в сегодняшнем и завтрашнем дне. Однако, по данным социологических опросов, проводившихся в России в 2003 г., только 10% молодых россиян считают, что их будущее целиком

зависит от них самих. Свыше 80% опрошенных выразили твердую уверенность в том, что обеспечить им социальные гарантии обязано государство [32. С. 52]. Выраженную позицию можно было бы интерпретировать как проявление юношеского инфантилизма. Однако в современной России и в среде взрослого населения только 7% опрошенных считают, что каждый человек должен сам заботиться о себе и своем благополучии. Более 40% взрослого населения уверено в том, что их жизнь целиком зависит от деятельности президента и правительства [32. С. 52].

Вместе с тем в отдельных сферах и регионах страны молодежь проявляет больше оптимизма. Так, среди выпускников средних школ Архангельска 47—49% опрошенных твердо верят в завтрашнее благополучие, и лишь у 22—27% отсутствует такая уверенность (остальные затруднились с ответом) [13. С. 124].

Таким образом, политическая культура сегодняшней российской молодежи представляет собой «равнодействующую» множества «векторных» воздействий непосредственных и косвенных социальных факторов, эту «равнодействующую» в настоящее время трудно признать и оценить позитивно. Ситуация требует оперативных и энергичных мер целенаправленной коррекции и актуализации политического воспитания подрастающих поколений. Главными ориентирами в этом вопросе могут и должны являться базовые ментальные ценности гражданственности, патриотизма и духовности.

В современных условиях особенно важно формирование у молодежи гражданственности — совокупности базовых эпохальных ценностей, сопряженных с идеалом честного служения Родине, личного действенного участия в обеспечении ее независимости, благосостояния и процветания. По справедливому замечанию О.Н. Полухина, «утверждение гражданственности — главное средство возрождения России, укрепления российской государственности, достижения согласия между властью и обществом, включения жизненных сил граждан в осуществлении реформ» [24. С. 3].

Сегодняшняя российская гражданственность строится как результат непрерывного изменения сознания граждан и других факторных и сопутствующих аспектов [23. С. 17].

Необходима выработка и последующая широкая пропаганда консолидированной модели ценностных ориентаций, вбирающей в себя все лучшие нормы, ценности и идеалы, сформированные предшествующими этапами и нынешним периодом развития отечественной государственности. По мнению академика РАО Н.Д. Никандрова, «образование должно постепенно сформировать систему ценностей, которая установила бы и российские традиции, идущие из глубины веков, и то лучшее, что было создано при советской власти, и те подлинно новые приобретения, которые при всех своих издержках принесла перестройка и 1990-е годы» [22. С. 41].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Балабанов С.С., Кузонков П.И. Октябрь 1917 г. в сознании учащейся молодежи // Социологические исследования. — 2007. — № 8.
- [2] Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. — 2007. — № 1.

- [3] Богатые и бедные в современной России: новые дилеммы. Аналитический доклад ИКСИ РАН. — М., 2003.
- [4] *Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т.* Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. — 2006. — № 6.
- [5] *Гаврилюк В.В., Маленков В.В.* Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социологические исследования. — 2007. — № 4.
- [6] *Горшков М.К.* Граждане новой России: к вопросу об устойчивости и изменчивости общенационального менталитета // Россия: тенденции и перспективы развития. — М., 2005.
- [7] *Дубин Б.* От инициативных групп к анонимным медиа: массовые коммуникации в российском обществе // Pro et contra. — 2000. — № 4.
- [8] *Запесоцкий А.С.* Дети эпохи перемен: их ценности и выбор // Социологические исследования. — 2006. — № 12.
- [9] *Заславская Т.И.* Стратификация современного российского общества // Информационный бюллетень мониторинга ВЦИОМ. — 1996. — № 1.
- [10] *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Профессиональное образование и рынок труда // Социологические исследования. — 2003. — № 4.
- [11] *Здравомыслов А.Г.* Национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения. — 2002. — № 2 (58).
- [12] *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. — 2008. — № 5.
- [13] *Константинов А.С.* Динамика жизненных ориентаций выпускников средних школ Архангельска (1985—2005) // Социологические исследования. — 2007. — № 12.
- [14] *Кузнецова И.Ю.* Социализация молодежи на рубеже веков: Автореф. дисс. ... канд. культурологии. — Краснодар, 2001.
- [15] *Левада Ю.* Исторические рамки будущего в общественном мнении // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 1 (69).
- [16] *Лониакова Н.А.* Региональный вуз и рынок труда: проблемы адаптации // Социологические исследования. — 2003. — № 2.
- [17] *Магарил С.А.* Исчерпана ли социальная роль интеллигенции? // Социологические исследования. — 2007. — № 1.
- [18] *Малинова О.Ю.* Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. — 2007. — № 1.
- [19] *Мкртчян Г.М., Чистяков И.М.* Молодежь Москвы на рынке труда // Социологические исследования. — 2000. — № 12.
- [20] Мониторинг общественного мнения. — 2001. — № 1 (51).
- [21] Мониторинг социально-экономического потенциала семей: Второй этап. — М., 1996.
- [22] *Никандров Н.Д.* Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. — М., 2000.
- [23] *Новичкова И.Ю.* Социальный контекст становления российской гражданственности. — М., 2002.
- [24] *Полухин О.Н.* Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. — М.: Муниципальный мир, 2003.
- [25] *Редель А.И.* Духовность — основа российского менталитета. К вопросу о социокультурных предпосылках модернизации российского общества. — М.: ИСПИ РАН, 2000.
- [26] *Руденко Г.Г., Савелов А.Р.* Специфика положения молодежи на рынке труда // Социологические исследования. — 2002. — № 5.
- [27] *Ручкин Б.А.* Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. — 1998. — № 5.
- [28] *Самсонова Е.А., Ефимова Е.Ю.* Молодежь Тулы: ценностные ориентации и реалии повседневной жизни // Социологические исследования. — 2007. — № 11.

- [29] Семенов В.Е. СМИ и молодежь: социально-психологический анализ // Вестник политической психологии. — 2004. — № 1.
- [30] Семенов В.Е. Ценностные ориентации современной молодежи // Социологические исследования. — 2007. — № 4.
- [31] Собкин В.С. Трансформация целей и мотивации учебы школьников // Социологические исследования. — 2006. — № 8.
- [32] Состоялось ли в России гражданское общество? Материалы круглого стола // Социологические исследования. — 2007. — № 1.
- [33] Таран Ю.Н. О возрождении школьного воспитания: из опыта региона // Социологические исследования. — 2007. — № 4.
- [34] Толмачева С.В., Генин Л.В. Реклама глазами молодежи // Социологические исследования. — 2007. — № 4.
- [35] Чупров В.И. Молодежь в общественном воспроизводстве // Социологические исследования. — 1998. — № 3.

THE CHALLENGES AND FACTORS OF POLITICAL SOCIALIZATION OF THE CONTEMPORARY YOUTH

N.M. Belgarokova

Eurasian Open Institute
Nezhinskaya str., 9, Moscow, Russia, 119501

The article provides the analysis of the conditions and results of the processes of political culture development and political socialization of the contemporary youth in the frame of sociological research. The analysis of the conflicting influences of the agents of political socialization (family, system of education, mass media), the difficult circumstances and the challenging economic status of the contemporary Russian youth as well as the macropolitical environment in the country provides an opportunity to arrive at the conclusion concerning the socialization crisis of youth in contemporary Russia.

Key words: political culture, political socialization, youth.